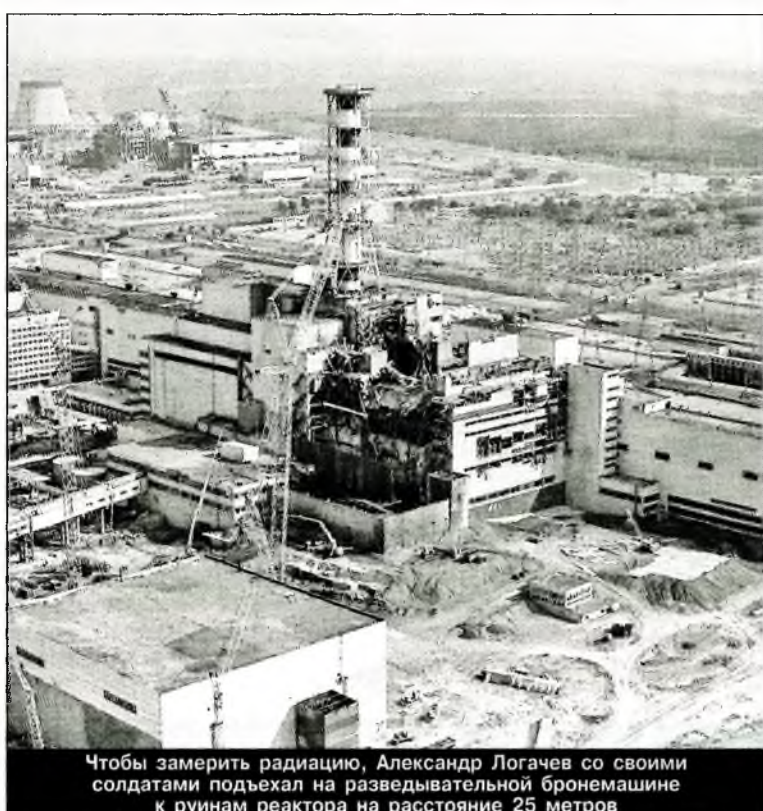

«КОГДА ВСКОРЕ ПОСЛЕ ВЗРЫВА ЧЕРНОБЫЛЬСКОГО РЕАКТОРА МЫ ПОДЪЕХАЛИ К ЕГО РУИНАМ,

Игорь ОСИПЧУК
«ФАКТЫ»

ДОЗИМЕТР ПОКАЗАЛ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЙ УРОВЕНЬ РАДИАЦИИ — 2080 РЕНТГЕН!»

Фонды Национального музея «Чернобыль» пополнились двумя уникальными экспонатами — картами радиационного загрязнения ЧАЭС и города Припяти, сделанными в первые сутки после ядерной аварии

Чтобы измерить радиацию, Александр Логачев со своими солдатами подъехал на разведывательной бронемашине к руинам реактора на расстоянии 25 метров

задачу дезактивировать промплощадку аварийного четвертого энергоблока. Волошко тогда еще не знал, насколько грандиозна эта задача, ведь еще не было ясности о том, что произошло на ЧАЭС.

Так как мне предстояло провести радиационную разведку, я попросил карту территории атомной станции — чтобы наносить на ней уровни радиации. Волошко достал карту (а вернее, кальку с плана станции) из сейфа. Я внимательно ее рассмотрел и сказал, что аварийный четвертый энергоблок на ней не обозначен. Владимир Павлович нарисовал карандашом квадрат, перечеркнул его и объявил: «Вот здесь».

«Когда наши офицеры вернулись с ЧАЭС в белых костюмах и бахилах, командир пошутил: «А это что за гинекологи?!»

— На чем вы поехали к эпицентру ядерной катастрофы?

— На боевой разведывательно-дозорной машине (БРДМ), оснащенной приборами для химической, бактериологической, радиационной разведки. Я был командиром этой машины. Взял с собой троих солдат-срочников — Эрлана Тимиргалиева, Евгения Власкина (он следил за показателями дозиметра, называл их мне, а я наносил эти данные на карту) и водителя Гаюра Исламова.

Мы попытались проехать к аварийному реактору через административный корпус ЧАЭС. Кстати, возле этого здания загрязнение было наименьшим на территории станции. Однако нас не пропустили дежурившие там солдаты внутренних войск (они были в защитных резиновых химохлестках). Пришлось ехать в объезд вдоль груди-охладителя. Мы смотрели вокруг через стекло БРДМ. Солнце светило нам в глаза, и в какой-то момент я обратил внимание, что в кабине пыль. Она явно залетела с улицы. «Как же так, — думаю, — бойцы ведь

должны были включить фильтровентиляционную установку». «Почему здесь пыль?» — спрашиваю у них. Оказалось, они установку включили, но без фильтра. «Можете открыть люк, высунуться наружу и сфотографироваться на дембельский альбом!» — с досадой пошутил я.

Люк мы таки приоткрыли — в БРДМ было очень жарко, а отказываться от проветривания не было смысла — пыль проникала внутрь.

— Вам тогда было страшно?

— Не считите это бравадой, но страха не испытывал. Я ведь профес-

Александр Логачев:
«Через несколько часов после аварии мы приехали в Припять и увидели, что город живет обычной жизнью — люди занимались повседневными делами, на улицах играли дети, прогуливались мамы с колясками»

сионал — знаю, как себя вести в условиях радиационного загрязнения. Скажу честно: ехал на выполнение опасного задания с чувством любопытства — хотелось своими глазами увидеть, что произошло на четвертом энергоблоке.

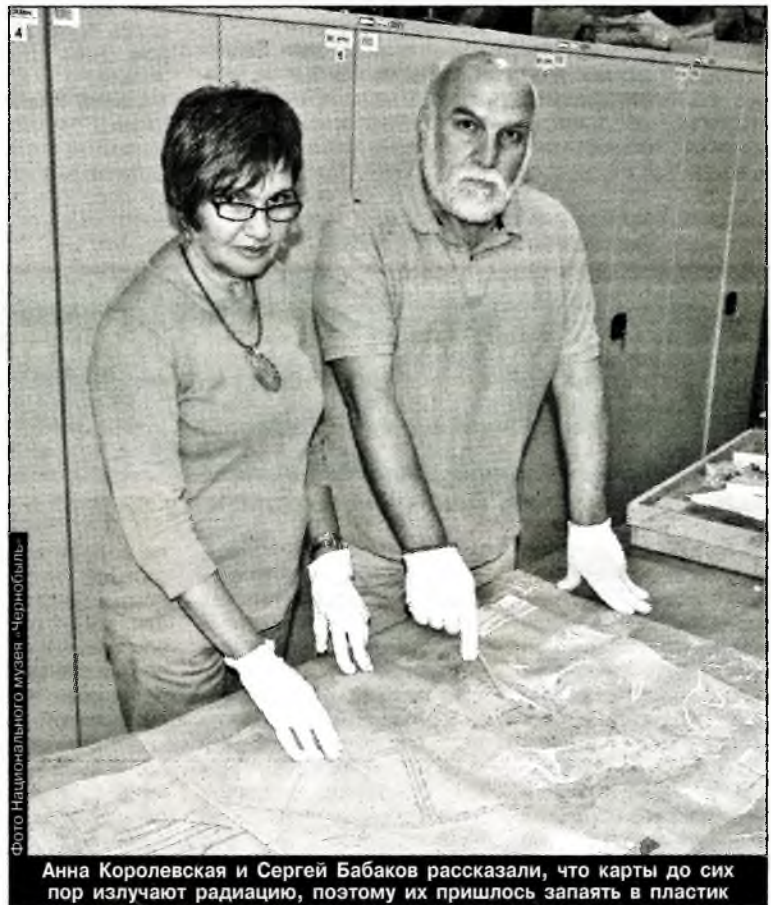
— Броня вашей машины защищала от радиации?

— В общем-то, да — ее толщина семь миллиметров. Считается, что она снижает радиационную нагрузку на экипаж в четыре раза.

— Как близко вы подъехали к разрушенному реактору?

— Метров на 25–50. Ближе не позволили вальяжиться вокруг руин реактора куки графита и строительных конструкций. Евгений Власкин объявил тогда упавшим голосом: «Товарищ командир, тут 2080 рентген!» Мы увидели возле энергоблока гору обломков. Над ними поднимался дым. Одна из стен разрушена. Нужно было побыстрее унести оттуда ноги. Ведь чем меньше времени находимся в опасном месте, тем меньшую дозу облучения получим. Я скоординировал Исламову ехать за здание стоявшей неподалеку столовой «Электрон» — рассчитывал, что укроюсь там от прямого облучения, исходящего от руин реактора. Но и около столовой дозиметр показал очень высокий уровень радиации — 1440 рентген. На большой скорости мы помчалась в Припять — нужно было доложить о результатах радиационной разведки. Сделать это по радиации оказалось невозможным — радиация вывела ее из строя.

В горьком парте с нетерпением

Анна Королевская и Сергей Бабаков рассказали, что карты до сих пор излучают радиацию, поэтому их пришлось запаять в пластик

ждали нашего возвращения. Карту немедленно представили членом правительственной комиссии.

— Как вы себя чувствовали после того, как побывали возле руин реактора?

— Прекрасно — ни малейших симптомов недомогания. Мне было хорошо на душе оттого, что отлично выполнил свою работу. По приказу командира нашего отряда я в этот же день еще раз съездил на радиационную разведку на ЧАЭС, но на этот раз командир сказал, чтобы к аварийному реактору не приближался. Мы потом опять приняли по шесть таблеток калия йодида. Правда, вряд ли в этом был смысл, ведь уже побывали в условиях сильного радиационного загрязнения.

— Вам предоставили возможность смыть с себя радиоактивную пыль, поменять загрязненную радиацией форму на чистую?

— С этим сразу не сложилось. Главное было выспаться, ведь накануне нас подняли с постелей среди ночи. На ночлег мы устроились в принадлежащих милиции боксах. Кроватей и матрасов там не было. Спали на чем придется, в том числе на снятых с петель дверях.

Кстати, на следующий день мне с еще одним офицером довелось побывать в знаменитом «бункере» под административным корпусом ЧАЭС — нужно было доложить начальству радиационную обстановку. На входе в бункер стояли «рамки» — приборы, которые измеряли, насколько загрязнены люди, которые туда заходят. На нас с коллегой «рамки» отреагировали воем sireны. Охрана попросила: «Мужики, переоденьтесь». Нам предложили новенькие белые спецкостюмы и такого же цвета бахилы, которые носил персонал АЭС. Можно было поверх этого надеть плащикоый костюм. «Мы же военные — куда нам в таком ходить», — пояснили мы своей отъезду.

Проходили в одном и том же обмундировании все три дня пребывания на ЧАЭС. Нас отправили в Киев вечером 29 апреля. Уровень радиации в моей БРДМ был около 50 рентген. Так что ее впоследствии пришлось отправить на «могилиник» в 30-километровую зону. Домой (я тогда жил на массиве Оболене) пришел, не меняя обмундирования. Потому пришлось выкинуть не только его, но и вещи, лежавшие с ним рядом. Я и другие офицеры стали ходить на службу в гражданской одежде. Начальник штаба полка возмутился: что, мол, за цирк! Тогда нам выдали новые комплекты формы.

В последующие дни из нашего полка стали отправлять на ЧАЭС офицеров. Они возвращались после работы на ликвидации последствий аварии в белых костюмах, шапочках и бахилах. Когда командир увидел их на плацу на утреннем разводе, с недоумением спросил: «А это что за гинекологи?!»

— Как удалось сохранить карты радиационного загрязнения ЧАЭС и Припяти, которые вы составили в первые сутки после взрыва реактора?

— Они находились у командира нашего отряда Гребенюка. Подлинность этих карт не вызывает сомнений: они до сих пор излучают радиацию.

— Гребенюк мне о них рассказывал, и я уговорил его передать их нам, — вспоминает старший научный сотрудник Национального музея «Чернобыль» Сергей Бабаков. — Знаю, что после выхода на пенсию он хранит эти карты у себя в гараже. Запечатленная на них информация является неопровержимым подтверждением того, что советские власти совершили преступление по отношению к жителям Припяти и других населенных пунктов, попавших в зону радиационного загрязнения. Ведь при таких уровнях радиации (200–300 миллирентген) население следовало немедленно оповестить об опасности, сообщить людям, как себя защитить: закрыть окна в квартирах, проводить влажную уборку, не выпускать детей на улицу и не выходить самим. К сожалению, это не было сделано. В результате люди получили значительные дозы облучения, особенно сельские жители. Ведь в теплое время года они весь день проводят на улице. А в конце апреля — мае 1986 года как раз стояла сильная жара.